

ЗНАКОМСТВО началось еще зимой... Каменный город весь погрузился в кручение метели. В свете высоких старинных фонарей отчетливо видна ее веселая и яростная пляска. «Мело, мело по всей земле...»

Улицы пусты. Мы пробираемся по ним, узким и кривым, и сильно напоминаем сами себе заговорщиков. Внезапно директор Лаке останавливается и сгибает свой длинный палец, подзывая нас. Потом выпрямляет его и указывает им на глухую серую стену, что виднеется в прорезе улочки.

— Может быть, здесь, — деловито произносит он. — Это какой-то склад.

Его заместитель Туази берет за массивное кольцо, вделанное в угол соседнего дома — след бывшего здесь когда-то женского монастыря, — и приподнимает его. Вроде как молоток аукционера...

Что мы делаем? Мы ищем здание для Таллинского молодежного театра.

Когда все это началось, Вольдемар Пансо сказал министру культуры:

— Я сделаю театр. Два года вы можете ни о чем не беспокоиться. В любых обстоятельствах, при любых условиях театр будет. Но если через два года у нас не появится здание, я ни за что не отвечаю.

ОБЩЕЕ собрание было назначено на тринадцатое.

13 августа 1965 года был приказ министра об открытии нового театра. 13 февраля 1966 года они получили сцену в одном из домов культуры. Поэтому тринадцатое число они считают своим счастливым днем, и все ответственные события назначают на тринадцатое.

А сцены у них действительно не было шесть месяцев. Сначала им предложили выступить в красном уголке. Тогда они собрались — двадцать один человек, весь выпуск театрального факультета консерватории, составивший труппу, — и поехали в колхоз убирать сено. Во всяком случае было бы стыдно получать первую зарплату.

Им дали дом, пятинадцатого века, на улице Лай. Они рассматривали древнюю вязь на балках, трогали руками каменную плеть, танцевали в большом зале, где пол был похож на широкую бату, — он пропалбался от каждого прыжка.

Устроили репетиционные комнаты, директорский кабинет, посадили бухгалтерию и — расстроились: играть по-прежнему было негде...

Философски относился к трудностям, кажется, один Пансо. Он-то знал, что именно сопротивление рождает мысль, творчество.

Полже это будут трудности духовного порядка, вечная святая неудовлетворенность найденным, собой и так далее. Но этому надо научиться, это надо заслужить. И заслужить право на театр тоже нужно. А не требовать аплодисментов под пустое место, ничего еще не показав и не доказав.

В «80 дней вокруг света» Павла Когоута, одной из первых работ театра, Пансо выходит на сцену и говорит, что вот очень тяжело было ставить спектакль. Не было материалов для декораций: «Пришлось просто обвязать кулисы и задник куском черной материи, а чтобы не было так скучно, нашла художница Мари-Лийз Кюла приказала написать на черном полотне белые полоски».

Не хватало актеров, так что на роль кассира банка, например, позвали знакомого с этим делом администратора Рихарда Перамеса, а часть людей вообще заменили фанерными манекенами. Обстоятельства дали толчок фантазии.

Зато, что за спектакль получился! Буффонада, гротеск, цирк, вообще веселье. И зритель получает наслаждение еще и оттого, что видит, как наслаждаются сами актеры. Вот эпизод: старый морской волк, капитан Спиди (артист Пепп Сеппик), в гневе. Он размахивает рукой, яростно стучит своей деревяшкой. Тогда один из матросов хладнокровно берет молоток и гвоздь и приколачивает деревяшку капитана к полу. Пансо рассказывал после, как ликовали, когда придумали эту деталь...

А раньше, до «80 дней», был «Комнатный театр», тоже уникальная выдумка Пансо. Это еще со студентами, которые только в будущем станут труппой. Нет сценария? Нет зала? Ну и прекрасно, станем играть в обычной комнате. И падали черные трико, и сели за простой стол, и начали представлять никогда не ставившуюся у нас пьесу Бернарда Шоу «Назад к Мафусайлу».

А еще были «Программы», номер один и номер два, с которыми они ездили по всей республике. Полтора часа эстонской поэзии и полтора часа мировой классики XIX века.

А еще облюбовали маленький зал во дворце Кадриорг, где нынче расположен ху-

дожественный музей, устроили маленькие подмости и в старинном помещении, среди старинной мебели, с неизменным аншлагом стали играть «Милого лжеца».

А еще нашли открытую площадку у древних стен города, как раз там, где был монастырь. У Пансо есть забавная идея...

Но перенесемся к собранию. Так сказать, за кулисы, к частной жизни труппы. Ну вот, попали бы вы на фабрику или на завод, и все то же самое услышали бы. На сколько выполняли план, и почему сорвали новгородский вечер, и отчего в уборных мало стульев. Было так, словно это и не театр вовсе. Впрочем, ведь и в театре обыкновенный коллектив, обыкновенные люди. Разве нет?

Я провела с ними десять дней. Право, это славные люди.

К примеру, они начисто лишены профессионального недостатка иных актеров — зависти. Или, скажем, пришли из армии трое парней, отсутствовавших год, и на каждом шагу я слышала: «Наши мальчишки вернулись» — как будто вернулись близкие родственники.

Но что-то меня беспокоило. Может быть, то, что кто-то среди них не читал газет? А кто-то знался и задрал нос? Какая-то атмосфера духовной несамостоятельности, инфантильности ощущалась в их так называемой частной жизни.

Может быть, я ошибаюсь, преувеличиваю — атмосфера ведь все-таки чрезвычайно тонкая, почти неуловимая.

Но вот и на собрании Лаке говорил об одном актере, которому пришлось объявить выговор, и о другом, который увлекся «халтурой» и ущерб профессиональной подготовке...

Обыкновенный коллектив, говорите вы? Но ведь если я, предположим, опубликую здесь имена тех, о ком шла речь, то завтра же на спектакле люди станут показывать на них пальцами, и никакого чуда искусства уже не произойдет.

Нет, театр — это особенный организм. В театре мы черпаем высокое эмоциональное наслаждение и интеллектуальную радость. В театре открывается нам новая красота человеческого личности и человеческих отношений. Театр очищает душу и приобщает нас к познанию истины.

А действующие лица этого прекрасного предприятия? Перечитайте «Настоящую книгу драматического артиста» Станиславского. Вспомните: «Вы, мои молодые друзья, должны вносить в храм искусства все лучшие человеческие мысли и побуждения, отряхивая на пороге мелкую пыль и грязь жизни».

Люди на виду, люди, так или иначе влияющие на других. Бог ты мой, какая огромная ответственность! Торжественны слова: посвящение, посвящение, — но и суть дела они отражают.

Не будем ханжамы. Не станем говорить, что актеры должны быть начисто лишены человеческих слабостей и недостатков. Но тут важна тенденция. Тенденция — быть коллективом «особенным» или коллективом «обыкновенным»...

У ТААЛИНЦЕВ все новое, все впервые.

Но откуда же им взять мудрости, глубины понимания явлений, времени, своей ответственности перед людьми. Практически — где это черпать?

И тут нашему театру повезло. Его главный режиссер — Вольдемар Пансо...

На отвороте пиджака Пансо — маленькая фигурка кенгуру. Знак последней поездки в Австралию. Я спросила: «Какое из всех ваших занятий самое любимое?» Он ответил: «Путешествовать».

Отец его, мастер по органу, умирая, сказал: «Если к тебе когда-нибудь придет слава, я думаю, это будет слава писателя». О последней книжке Пансо «Смешной человек» (к сожалению, она не переведена с эстонского) говорят, что это превосходная проза. Зато исследование Пансо, кандидата искусствоведческих наук, «Талант и труд» мы скоро прочитаем на русском.

Высокий, большой человек с коротким добрым носом и живыми глазами, в очках, Пансо уже сед. Но он, как юноша во всем. Как юноша, да еще влюбленный, он чрезвычайно мало спит. Ведь это значило бы укорачивать часы свиданий с возлюбленной. Возлюбленная Пансо — жизнь. Жизнь, которая есть возможность творчества и само творчества. Как юноша, он верит в случай, озарение, счастливую звезду. И самое примечательное, что вера эта оправдывается.

О нем говорят: то, что у другого идет натухо, через силу, у этого легко, без напряжения, будто играючи.

Но Пансо действительно легко. Потому что он талантлив. И это — талант работы. Я мало знаю людей, которые бы так посто-

янно, все возможные часы суток напряженно работали. В одном интервью он сказал, что его идеал — человек, сочетающий кибернетическое устройство мозга с артистичностью клоуна. Больше всех такого человека напоминает он сам.

«Мне кажется, вы счастливый человек», — сказала я ему. — Удивительно: до сих пор острый ум для меня ассоциировался с несчастливым характером». — «Если бы я был несчастлив, — отвечал он, — не стоило бы жить».

О Пансо-режиссере все говорили одно и то же: он заставляет думать.

Актер Микк Микивер рассказывал, что бывал репетиции, похожие на праздник, семь часов праздника. А бывает, через два часа выходишь, на улице ясный день, а тебе надо ложиться спать, жить этот день уже нечем.

КАК ВОЗНИК «Гамлета», может быть, самый замечательный спектакль театра?

Пансо посмотрел фильм «Обыкновенный финиш» и сказал: «Теперь я буду ставить «Гамлета». Он неоднократно повторял актерам, а потом и написал в одной из статей: «У режиссера может быть три стимула к постановке «Гамлета». Первый — то, что пьесу эту ставили очень многие и только он, именно он, еще не ставил».

Второй — многочисленные увиденные и прочитанные толкования пьесы, приятно сплетающиеся в одно, которое ошибочно кажется оригинальным.

И третий — окружающая жизнь, современный человек на сегодняшней планете. Меня побудило последнее.

Мы смотрели «Гамлета» вместе с Таммом Тылу, одним из троих, вернувшихся из армии, серьезным, хотя и очень юным человеком. И отрадно было видеть, как воспринимал, постигал он спектакль.

Гамлета играл Анте Эскола, народный артист СССР, большой, глубокий мастер. Офелию — обаятельная Лийда Руммо, заслуженная артистка ЭССР. Клавида — заслуженный артист ЭССР Юри Ярвет. Театру повезло еще и в том, что, узнав о его создании, девять, может быть, наиболее интересных, зрелых актеров бросили свою работу и перешли сюда). Сначала на роль короля был назначен Олев Эскола, по всем внешним данным это была его роль. Но вдруг Пансо предложил Олеву Поолонию. А на сцену вышел маленький, жалостный, с выцветшими яростными глазами король — Юри Ярвет. Все преобразилось. Не просто хитрец, но умница, коварная, но и страдающая, мрачная фигура, он стал достойным противником Гамлета. И начался поединок. Свободная мысль и власть, которой неавторитарна мысль, — вот что столкнулось. Трагедия Гамлета высветилась новым светом...

На собрании Пансо говорил о предстоящей работе театра «Ты, мое время». Они сами будут писать и ставить этот спектакль.

Вот примерно мысли Пансо: мы живем по кругу — встаем, завтракаем, едем на работу, возвращаемся с работы; ежедневные заботы поглощают нас. А если вырваться из этого круга и попробовать взглянуть на себя, как на человеческую личность, состоящую в связи со всем человеческим, на время, в которое мы живем?

Кто-то позвал меня шепнуть: «Он уж столько говорил об этом! Что-то, а говорит он умеет...» Мне стало грустно.

Ну да, критиковать, и не верить, и быть скептиком модно. А я бы на их месте напрочь отбросила скепсис. Пансо — не обыкновенный человек. И не старайтесь рассматривать его так называемыми трезвыми глазами. Вы рискуете прогадать многое. Вообще умеете глядеть особенно на особенных людей. Удивляйтесь им, берите от них, берите с жаждой, как можно больше, учитесь у них свободе духа, остроте мышления, умению работать, активному отношению к жизни. И постарайтесь быть счастливыми. Как Пансо. Тогда и вы, подобно Пансо, не только в своем творчестве, но и всем существом своим будете излучать нечто, очень нужное людям.

...Когда Ани Вийдинг приходит в школу, где она училась и где теперь ведет театральный кружок, она видит, как стремительно бросаются к ней «ее» ребята, какими глазами смотрят, что спрашивают, как слушают. Ведь она — актриса! И она говорит им правду, говорит все, как думает. Но это означает, что она должна очень много думать. И она понимает это. Понимает, что зрелье получила вообще в жизни.

Их уже много, настоящих учеников Пансо...

А вы, товарищ министр культуры, потропите, пожалуйста, с домом для них.

О. КУЧКИНА.
(Наш спец. корр.).

Таллин.